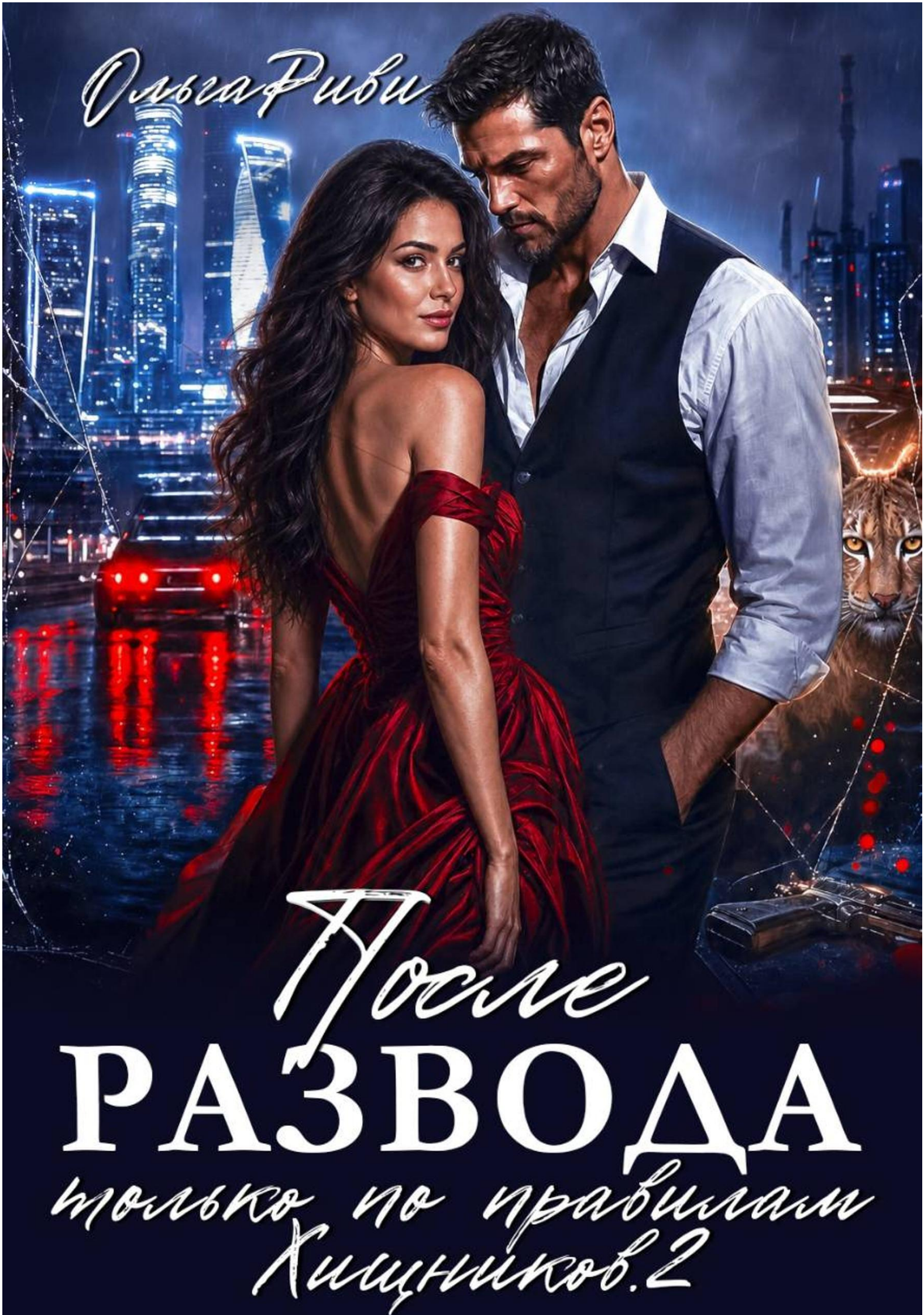

Ольга Фиби
После
РАЗВОДА
только по правилам
Хищников.2

Ольга Риви

После развода только по правилам хищников. Том 2

«Автор»
2026

Риви О.

После развода только по правилам хищников. Том 2 / О. Риви — «Автор», 2026

Не смей плакать, даже если жизнь катится в пропасть. Они не должны видеть твоих слёз...

© Риви О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Риви
После развода только по правилам хищников. Том 2

Часть 2

Глава 7

Утром Надя уехала в школу с обычным рюкзаком и такой прямой спиной, будто боялась, что стоит немного согнуться и всё станет видно.

Я проводила её до двери, поправила капюшон и сунула в боковой карман печенье. Со стороны ничего особенного не происходило. Мать напоминала дочери поесть, дочь терпеливо закатывала глаза, у крыльца ждал водитель.

Только мы обе знали, что после уроков Надя сюда не вернётся.

— Телефон не включай, пока не окажешься у Веры, — напомнила я, стараясь говорить спокойно. — Если водитель пойдёт за тобой к репетитору, не спорь. Позвони с запасного номера.

— Мам, ты повторяешь это четвёртый раз, — Надя поправила лямку рюкзака и попыталась улыбнуться.

— Значит, шансы на твоё спасение выросли в четыре раза. Математика пока на нашей стороне.

Улыбка у неё всё-таки появилась, но тут же погасла.

— Ты приедешь на вокзал?

— Обязательно.

Она обняла меня быстро, словно злилась за то, что я вообще допустила такую жизнь. Потом выбежала на крыльцо и ни разу не оглянулась. Я стояла у двери, пока машина не скрылась за воротами, и думала, что впервые отправила дочь не в школу, а из семьи.

В девять приехал юрист Григория.

Виктор Семёнович работал с нашим холдингом лет пятнадцать. Он ел за нашим праздничным столом, дарил Кириллу конверты на дни рождения и однажды держал маленькую Надю на руках, пока я искала соску. Теперь он вошёл в гостиную с портфелем и старательно смотрел куда угодно, только не на меня.

Следом появился Григорий.

Они сели напротив. Между нами стоял массивный стол, на котором раньше были семейные фотографии. Сегодня домработница убрала их и поставила вазу с белыми розами. Края лепестков уже потемнели. Даже цветы понимали, что попали не на семейные переговоры

Виктор Семёнович раскрыл портфель и вынул папку.

— Елена Сергеевна, мы подготовили предварительное соглашение. Оно позволит решить все вопросы спокойно, без суда и лишней огласки, — произнёс он тем голосом, которым обычно сообщают, что пациент почти не почувствует укола.

— Какие именно вопросы? — я посмотрела сначала на него, потом на мужа. — Измену, развод, поддельные подписи или моё публичное увольнение?

Юрист кашлянул и поправил очки.

— Я уполномочен обсуждать только имущество.

— Понимаю. Предательство в вашей классификации имуществом не считается, поэтому проходит бесплатно.

Григорий раздражённо подался вперёд.

— Лена, давай без спектакля. Виктор Семёнович приехал помочь нам разойтись по-человечески.

— По-человечески мы могли разойтись до того, как ты посадил любовницу в мой кабинет.

— Кристина теперь партнёр компании, — отрезал он.

— Конечно. У некоторых карьерный рост начинается с собеседования. У неё начался с постели и браслета. Зато испытательный срок прошла быстро.

Виктор Семёнович снял очки и принялся протирать их салфеткой. Делал это долго, почти с надеждой. Наверное, хотел хотя бы ненадолго перестать видеть людей, которым помогал прилично оформить подлость.

Григорий подтолкнул папку ко мне.

— Прочитай сначала, потом будешь язвить.

Я открыла соглашение.

Мне оставляли право пожизненно жить в доме. Не сам дом, а только право в нём находиться. Назначали ежемесячное содержание, размер которого Григорий мог менять по своему решению. Сохраняли страховку, машину с водителем и охрану.

Взамен я отказывалась от долей в компаниях, созданных во время брака. Подтверждала, что никогда не участвовала в оперативном управлении холдингом. Обещала молчать обо всём, что могло повредить деловой репутации Григория, Кирилла и будущих партнёров.

Получалось складно. Двадцать лет моей работы не было. Моего вклада тоже. Зато моё молчание существовало и стоило приличных денег.

— Здесь написано, что я не управляла компанией, — сказала я, подняв глаза на юриста.

Он наконец вернул очки на место.

— Это техническая формулировка, Елена Сергеевна. Она нужна для разграничения полномочий.

— Я составляла бюджеты, подписывала платежи, договаривалась с банками и вытаскивала холдинг из трёх кризисов. Как это называется технически?

Виктор Семёнович посмотрел на Григория. Видимо, в его юридическом словаре подходящего термина не нашлось.

Муж тяжело вздохнул.

— Никто не спорит, что ты помогала. Но ключевые решения всегда принимал я. Холдинг был моей ответственностью. Лена, я не бросаю тебя и даю гарантии, что ты будешь на моём обеспечении. Это всё временно. Неужели нельзя потерпеть несколько лет? Это нужно для нашего бизнеса.

— Вот видишь, теперь бизнес оказывается наш. Особенно, когда речь касается твоих хотелок. А Кристина тоже входила в твой проект, несколько месяцев назад? Ты ей тоже условия ставил?

— Прекрати, мы сейчас не прошлое обсуждаем.

— Нет, Гриша. Вы предлагаете мне подписать его новую версию. В ней ты всё построил, Кирилл всё унаследовал, а я удачно проходила мимо с домашними котлетами. Тут даже Кристиночка больше старалась, чем я.

Он встал и отошёл к окну. За стеклом охранник медленно обходил двор. Возможно, проверял, не пытаюсь ли я перелезть через забор с семейным серебром в зубах.

— Я предлагаю тебе достойную жизнь, — сказал Григорий, не оборачиваясь. — Ты останешься в доме, будешь получать деньги. Тебе не придётся искать работу, снимать какую-то конуру и считать расходы. Ты привыкла к другому уровню. Одна ты его не удержишь.

Я закрыла папку.

— Знаешь, к чему я действительно привыкла? Справляться. Просто ты слишком долго выдавал результаты моей работы за свою заботу.

Он резко повернулся. На лице появилось то выражение, которое прежде заставляло директоров замолчать. Я тоже когда-то замолкала. Не потому, что он был прав, а потому, что после двадцати лет брака начинаешь экономить силы даже на собственном мнении.

— Ты понимаешь, во что ввязываешься? — спросил он. — Суд займёт годы. Бережной подключит своих людей. Банки заморозят счета, тебя будут таскать по кабинетам и проверять каждый перевод и каждую подпись. И всё это ради чего? Чтобы доказать мне, что ты гордая?

— Чтобы не просить у тебя деньги на собственную жизнь.

— Это одно и то же.

— Нет. Гордость — это считать, что твоя жена без тебя не способна открыть банковский счёт.

Виктор Семёнович снова кашлянул. Если бы разговор продлился ещё час, ему пришлось бы вызывать пульмонолога.

— Возможно, вам стоит сделать перерыв, — осторожно предложил он.

— У нас двадцать два года был перерыв между честными разговорами, — ответила я. — Думаю, хватит.

Я убрала документы в конверт и поднялась. Григорий тут же преградил мне дорогу.

— Куда ты их понесёшь?

— Своему адвокату.

— Я не разрешал привлекать посторонних.

Он сказал это спокойно и даже не заметил, насколько чудовищно прозвучали его слова. Впрочем, человек быстро перестаёт слышать себя, если много лет никто не решается перебивать.

— Ты можешь предложить, — произнесла я. — Решать буду я.

— Это семейное дело, Лена.

— Оно было семейным до того дня, когда вы с сыном решили оформить мою жизнь без моего участия.

Его взгляд потяжелел.

— Когда ты дашь ответ?

— Через три дня.

— Зачем тебе столько времени?

— Хочу насладиться последними часами нервного истощения. Потом, боюсь, придётся официально стать дееспособной.

Я обошла его и направилась к двери. За спиной прозвучал тихий голос Виктора Семёновича:

— Григорий Павлович, давить на неё сейчас не стоит.

— Я не давлю, — отрезал муж.

За воротами дежурили двое охранников, мой пропуск в офис был заблокирован, дочь пришлось отправлять из дома тайком, а в конверте лежал отказ от всего, что я создавала двадцать лет. Если это не считалось давлением, мне было страшно представить, что Григорий называл лёгким беспокойством.

***

До встречи с Софьей оставалось два часа. Я бросила машину на платной парковке и пошла через торговый центр. Охранник, приставленный ко мне мужем, держался на расстоянии, но чёрный внедорожник трудно не заметить среди небольших городских машин. Особенно если двадцать лет брака научили тебя узнавать семейный контроль по свету фар.

Я поднялась на второй этаж, спустилась другим эскалатором и вышла к боковому входу. Раньше я считала такие манёвры уделом преступников и неверных мужей. Теперь сама ухо-

дила от слежки с бракоразводными документами под мышкой. Оказалось, семейная жизнь прекрасно готовит к шпионской работе. Жаль, в резюме этого не укажешь.

Возле кофейни у выхода я столкнулась с Кристиной.

На ней было короткое светлое пальто и тёмные очки, хотя день выдался пасмурным. Рядом топтался водитель, нагруженный пакетами из дорогих магазинов. На запястье Кристины блестел тот самый браслет.

Она заметила меня и замерла.

— Елена Сергеевна, какая неожиданность, — сказала она, чуть приподняв подбородок.

— В последнее время я часто появляюсь там, где меня не ждут. Открыла в себе новый талант.

Кристина сняла очки и протянула их водителю. Вблизи она выглядела хуже, чем в моём кабинете, под глазами залегли тени, губы были сжаты. Похоже, ночь у неё тоже прошла без сна.

— Вы специально вернулись раньше, чтобы сорвать сделку? — спросила она, шагнув ко мне.

— Я вернулась, потому что меня отключили от работы.

— От компании Григория, — поправила Кристина.

— Какая удобная формулировка. Вы уже успели переписать историю или пока только табличку на кабинете?

Она выпрямилась ещё сильнее.

— Я понимаю, что вам больно и обидно. Правда, понимаю. Но иногда нужно вовремя уйти и не унижаться. Григорий сделал выбор.

— Григорий любит делать выбор за других. Сейчас вам это кажется проявлением силы. Позже, возможно, понадобится отдельный адвокат.

— Не нужно пугать меня опытом вашего несчастливого брака.

— Я не пугаю, а бесплатно предупреждаю. Обычно мои консультации обходятся дороже.

Щёки у неё порозовели.

— Если вы откажетесь подписывать соглашение и продолжите мешать, отец заберёт инвестиции. Холдинг развалится за несколько месяцев, банки потребуют вернуть кредиты, люди останутся без работы. И всё потому, что вы не способны принять очевидное.

— И что же очевидно?

Кристина выдержала короткую паузу, словно хотела, чтобы следующая фраза легла точно.

— Вы больше никто в этой компании и в его жизни.

Слова ударили сильнее, чем я ожидала. На несколько секунд в груди стало пусто, но я не отвела взгляда.

Она заметила это и продолжила уже увереннее.

— У вас нет должности, доступа и поддержки совета, а Гриша любит меня. Даже собственный сын выбрал отца. Григорий будет со мной, а вы получите дом и деньги, если перестанете изображать хозяйку судьбы.

— Будет с вами полностью? — я чуть улыбнулась. — Вы уверены, что это предусмотрено соглашением? Григорий редко отдаёт кому-то контрольный пакет.

— Не говорите о нём так, будто знаете лучше меня.

— Я прожила с ним двадцать два года.

— Вот именно. Вы уже получили своё, так что освободите место и без истерик.

В её голосе звучало не превосходство, а страх. Браслет, кабинет, будущий брак — всё это ещё не убеждало её, что место действительно освободилось. Моё присутствие мешало поставить последнюю печать.

— Кристина, Григорий не принадлежит вам, — сказала я уже без насмешки. — Как не принадлежал мне. Чем раньше вы это поймёте, тем меньше будет счёт за лечение иллюзий.

— Не стройте из себя мудрую женщину. Вы просто проиграли.

— Возможно. Но проигрыш иногда оказывается единственным способом выйти из чужой игры.

Она усмехнулась, и эта усмешка вернула мне злость.

— Красивые слова. Только жить вам придётся не на них.

— Если понадобится совет, как устроиться за чужой счёт, я обязательно к вам обращусь. Но не сегодня.

Кристина побледнела. Я могла сказать грубее. Первой на язык пришла фраза про силикон, но я проглотила её. Достоинство у меня трещало по швам, однако я пока держалось.

Я прошла мимо.

— Вы ещё пожалеете! — крикнула она вслед. — Мой отец умеет решать такие проблемы.

Я остановилась и обернулась.

— Передайте Арсению Бережному, что если он хочет говорить о бизнесе, пусть приходит сам. Я не обсуждаю инвестиции с человеком, которого используют одновременно как любовницу и должность.

Водитель Кристины опустил глаза. По его лицу было видно, что он мечтает превратиться в декоративный фикус и больше никогда не участвовать в жизни богатых людей.

На улице я поймала такси и только в машине позволила себе выдохнуть. Руки дрожали. Не из-за Кристины, а из-за фамилии её отца.

Бережной мог забрать деньги, надавить на банки и партнёров, превратить развод в войну. Я пока не была к ней готова. У меня имелись папка документов, несколько верных людей и новый счёт, которого хватило бы на пару месяцев. С таким арсеналом обычно не воюют с инвестиционными группами. С таким арсеналом стараются дожить до пятницы.

Но угроза наконец прозвучала прямо.

И почему-то пугала меньше, чем забота Григория.

***

Вера ждала нас в кафе на вокзале.

Надя сидела у окна перед высокой кружкой горячего шоколада. Возле стула стояла небольшая сумка, а у ног переноска с двумя банками. В них плавали рыбки. Даже бегство из дома моя дочь сумела превратить в спасательную операцию.

Увидев меня, она вскочила так резко, что едва не опрокинула стол.

— Ты пришла.

— Я же обещала.

Она обняла меня, и я сразу почувствовала, как напряжены её плечи.

Вера поднялась навстречу.

— Билеты у меня, поезд через сорок минут. До вагона провожу вас сама. За Надей, кажется, никто не шёл, но Кирилл звонил уже шесть раз.

Дочь показала выключенный телефон.

— Я не ответила. Хотя очень хотелось написать ему что-нибудь плохое.

— Правильно, что не написала, — сказала я. — Безупречную грамматику лучше сохранить для суда.

Она слабо улыбнулась, но почти сразу спросила:

— А если Кирилл уже понял?

— Скоро поймёт в любом случае.

Вера положила руку мне на плечо.

— Я принесу воды и ещё раз осмотрюсь. Если увижу знакомые лица, случайно пролью на них кофе.

— Ты бухгалтер, а не телохранитель.

Она улыбнулась и ушла, оставив нас вдвоём. Надя долго водила ложкой по дну кружки.

— Мы теперь больше не семья? — спросила она наконец.

Я протянула руку через стол.

— Мы с тобой — семья.

— Я не про нас, а про всех.

Сразу ответить не получилось.

— Семья не исчезает за один день, Надь. Но иногда за один день понимаешь, что она исчезла раньше. Просто люди продолжали жить под одной крышей и делали вид, будто правила у них общие.

Она посмотрела на меня слишком взрослыми глазами.

— Папа нас любит?

— Думаю, да.

— Тогда почему он так поступает?

Я хотела дать ей простой ответ, но простого не было.

— Потому что любовь сама по себе не делает человека хорошим. Можно любить и всё равно причинять боль, если уверен, что имеешь право распоряжаться другими.

Надя нахмурилась.

— Значит, это какая-то глупая любовь.

— Очень глупая. И дорогая. Особенно когда потом приходят юристы.

Она помолчала.

— А Кирилл? Он тоже нас любит?

Я посмотрела на остывший шоколад.

— Наверное. Но сейчас он выбрал отца и бизнес.

— Значит, нас не выбрал.

— Пока — нет.

Надя отвернулась к окну. На ресницах блеснули слёзы.

— Когда мы были маленькими, он защищал меня. Помнишь, один мальчик толкнул меня во дворе, а Кирилл разбил ему нос?

— Помню. Потом я везла в травмпункт обоих. Кирилл всю дорогу объяснял, что поступил правильно.

— Я думала, брат всегда будет на моей стороне.

— Люди меняются.

— Или просто со временем становятся теми, кем всегда были?

В шестнадцать лет она задавала вопросы, на которые я не находила ответа в сорок три.

Я пересела к ней и обняла.

— Послушай меня. Сейчас наша семья — это мы с тобой, бабушка, Вера и те, кто помогает не ради доли в компании. Возможно, однажды Кирилл поймёт, что сделал. Но мы не станем ждать его раскаяния, чтобы начать жить.

— Ты тоже приедешь к бабушке?

— Позже. Сначала разберусь с документами и найду жильё.

— Ты опять остаёшься одна.

— Ненадолго.

— Не люблю это слово. Взрослые всегда говорят «ненадолго», когда сами не знают, сколько будет плохо.

Я сжала её ладонь.

— Ты права. Я не знаю, сколько это продлится. Но знаю, зачем остаюсь.

Объявили посадку. Вера вернулась с бутылками воды и сообщила, что подозрительных лиц не заметила. Мы вышли на платформу. Я несла сумку, Надя прижимала к груди переноску. Одна из рыбок металась в банке и явно хуже всех переживала смену семейного положения.

У вагона дочь остановилась.

— Поехали со мной, мам.

На мгновение я едва не согласилась. Можно было подняться в вагон, выключить телефон и несколько часов быть не женой, которую выводят из бизнеса, а обычной матерью рядом с дочерью.

Но в моей сумке лежали копии документов. В городе ждали Софья, отдельный счёт и квартира, найденная Верой.

— Не могу.

— Потому что должна победить папу?

— Нет. Потому что должна научиться жить так, чтобы мне не требовалось его разрешение.

Надя прикусила губу и кивнула. Вера поднялась в вагон первой. Надя снова обняла меня и тихо сказала.

— Не возвращайся в тот дом одна.

— Я постараюсь туда вообще не возвращаться.

— Обещаешь?

Я не хотела давать обещание, которое могла нарушить.

— Обещаю сделать всё, чтобы больше там не жить.

Надя приняла эту честность. Кивнула и вошла в вагон.

Поезд тронулся медленно. Дочь стояла у окна, прижав ладонь к стеклу. Я шла рядом, пока хватало платформы, потом остановилась. Вагон набрал скорость, лицо Нади смешалось с отражениями фонарей и исчезло.

Только тогда я заплакала. Слёзы текли по лицу, дыхание сбивалось, прохожие обходили меня, старательно не глядя. Пожилая женщина молча протянула бумажный платок.

— Спасибо, — выговорила я.

— Дети уезжают? — спросила она.

— Семья.

Женщина посмотрела на уходящий поезд и кивнула, словно поняла больше, чем я сумела объяснить.

— Тогда вернётся только настоящее. Остальное пусть едет к чёрту другим составом.

Я не знала, верю ли ей, но платок взяла.

***

Квартиру Вера нашла на окраине, в старом кирпичном доме возле трамвайной остановки.

Тридцать восемь квадратных метров. Маленькая кухня, узкий коридор, комната с диваном и шкафом, который открывался только после удара плечом. Хозяйка, энергичная Тамара Павловна, сразу предупредила, что сосед сверху играет на трубе.

— Он учится уже семь лет, — сообщила она. — Прогресс медленный, но мы всё ещё надеемся, что однажды он бросит.

— После моего дома труба кажется преимуществом.

Тамара Павловна внимательно осмотрела моё пальто, сумку и паспорт.

— Муж есть?

— Пока да.

— Понятно. Тогда залог за два месяца и никаких внезапных родственников.

— Это условие аренды или личная просьба?

— Это результат трёх разводов и двадцати лет сдачи квартир.

Я перевела деньги с нового счёта. Софья настояла, чтобы всё проходило официально и происхождение каждого рубля можно было подтвердить. Приходилось отвыкать от привычки решать проблемы быстро.

В квартиру я привезла два чемодана, ноутбук, документы и коробку из офиса. Забрала всё на подземной парковке, пока охранник Григория выяснял у администратора торгового центра, через какой выход я ушла.

Старый телефон оставила включённым в камере хранения на вокзале. Пусть Григорий немного последит за ячейкой. Возможно, она покажется ему спокойнее и послушнее жены.

Новый номер знали только Надя, Вера, Софья, Ирина и Матвей.

К вечеру я сидела на полу среди коробок. За окном звенел трамвай, сверху трубач выводил одну и ту же печальную мелодию и каждый раз ошибался в одном месте, а на кухне капал кран.

Наверное, я должна была чувствовать унижение. Вместо загородного дома — съёмная квартира. Вместо водителя — трамвайная остановка. А вместо кухни, которую проектировал архитектор, был стол с прожжённым пятном и две табуретки разной высоты.

Но здесь не было камер.

Никто не запрещал мне выходить. Никто не решал, когда мне отдыхать, что подписывать и с кем разговаривать. Я могла открыть дверь, закрыть её или снять с петель. Последнее не требовалось, но сама возможность действовала успокаивающе.

В коробке из офиса нашлась чашка с отбитым краем. Я вымыла её, поставила чайник и обнаружила, что крышка не закрывается. Пришлось прижать её ложкой. Вода закипела, чайник не взорвался, электричество осталось. Первый самостоятельный проект на новом месте завершился без жертв.

Я налила чай и села у окна.

Страшно было по-настоящему. На счёте лежала сумма, которой хватило бы на несколько месяцев. Работы не было. Григорий мог уничтожить мою репутацию одним заявлением о нервном срыве. Поручительства грозили долгами, а развод судами, Бережные — последствиями, о которых Кристина говорила слишком уверенно.

Я осталась одна.

Но впервые одиночество не означало, что меня не слышат. Оно означало, что никто не говорит вместо меня.

Я открыла ноутбук. На пустом экране мигал курсор.

Двадцать лет я строила чужой холдинг. Знала поставщиков и банкиров, понимала логистику, умела считать риски и видела, где большая система теряет деньги из-за мелкой человеческой лени.

Но сейчас было пусть, как и в душе. Я старалась не думать о том, почему он выбрал её. Да, она моложе, она яркая и красивая, наглости ей тоже не заманить, но я почему тогда Гриша не хочет просто отпустить меня. Зачем ему всё это?

Телефон завибрировал, вырвав меня из моих мыслей. Сообщение пришло от Нади:

«Доехали. Бабушка накормила нас пирогом и сказала, что папе лучше не приезжать без каски. Рыбки живы. Ты где?»

Я сфотографировала чашку на подоконнике и ответила:

«Дома».

Несколько секунд я смотрела на это слово. Надя прислала улыбающееся лицо, а следом короткую фразу:

«Тогда начинай новую жизнь».

Я снова повернулась к ноутбуку.

Григорий был уверен, что без его денег я не справлюсь. Кирилл считал меня домашней женщиной, неспособной мыслить стратегически. Кристина назвала никем.

Возможно, в одном они всё-таки были правы.

Прежней Елены Воронцовой больше не существовало.

Я положила пальцы на клавиатуру и начала строить новую.

Глава 8

Интервью вышло в десять утра. Ссылку прислала Ирина.

«Посмотри. Но сначала убери подальше всё тяжёлое».

Я оглядела маленькую кухню. Под рукой были ложка, ноутбук и чашка с отбитым краем. Чашку я отодвинула. Репутация женщины, способной напасть на владельца агрохолдинга старой посудой, у меня уже имелась.

На экране появился зал дорогого делового клуба. За спиной Григория висел логотип «Воронцовских полей», рядом — эмблема инвестиционной группы Бережного. Два названия соединяла тонкая золотая линия. Видимо, она должна была изображать партнёрство, но мне напомнила аккуратный хирургический шов. Пациента прооперировали, забыв спросить, согласен ли он вообще ложиться на стол.

Григорий сидел в тёмном костюме, спокойный и чуть уставший. Именно таким его любили журналисты: сильным человеком, который несёт ответственность за решения и повышает голос только тогда, когда все остальные способы давления уже использованы.

Я знала, сколько времени он выбирал запонки перед важными встречами. Знала, как раздражался, если водитель опаздывал на две минуты, и как перед сложным ответом большим пальцем касался края часов.

Сейчас он сделал именно это.

Рядом сидела Кристина. Светлое платье, собранные волосы, прямая спина. На запястье блестел тот самый браслет.

Подарок выглядел на ней прекрасно. Григорий всегда умел выбирать украшения. Женщин, как выяснилось, тоже выбирал неплохо, особенно если они поставлялись вместе с инвестиционной группой.

Кристина улыбалась ему, поправляла стакан с водой и время от времени касалась его рукава. Ничего откровенного. Ровно столько, чтобы все поняли, что Григорий теперь её собственность.

— Слияние открывает для холдинга новый этап, — говорил Григорий ровным голосом. — Мы получаем доступ к капиталу, современным технологиям и новым рынкам. При этом сохраняем семейные ценности и преемственность управления.

Я всё-таки рассмеялась. Семейные ценности в нашем случае означали, что муж передаёт бизнес сыну и любовнице, а жене оставляет кредиты. Молодцы, ничего не скажешь.

Кристина повернулась к журналистам.

— Для меня это не просто инвестиционный проект. Я давно восхищалась тем, что создал Григорий Павлович. Теперь мы вместе сможем вывести компанию на новый уровень.

Слово «вместе» она произнесла тише и посмотрела на него. Григорий не ответил на взгляд, но и не отстранился, когда её пальцы снова легли на его руку.

У меня задрожали колени, хотя я сидела. Никто не мог этого увидеть, и всё равно стало стыдно.

Журналист в первом ряду поднял руку и спросил, какую роль теперь будет играть в холдинге Елена Воронцова, раз в деловых кругах обсуждают изменения не только в компании, но и в семье.

Григорий замолчал. Палец снова коснулся часов.

— Елена Сергеевна много лет помогала компании, — наконец сказал он. — Но в последнее время она устала от бизнеса и решила сосредоточиться на себе. Мы расстались по-человечески. Она полностью обеспечена и теперь может заниматься здоровьем, семьёй и тем, что ей действительно нравится.

Кристина деликатно опустила глаза и положила ладонь рядом с его рукой, не поверх, а в нескольких сантиметрах. Хорошо выверенный жест. Скромность, близость и новая расстановка сил в одном движении.

Я смотрела на экран и не могла вдохнуть.

«Много лет помогала».

Так говорили о секретаре, которая вовремя заказывала билеты, или о соседке, поливавшей цветы во время отпуска. Не о женщине, которая строила финансовую систему холдинга, ночами искала деньги на зарплаты и заложила собственную квартиру ради первой кредитной линии.

«Решила сосредоточиться на себе».

Меня вывели из офиса охранники, закрыли доступ к счетам и пытались удержать дома. Оказывается, всё это было моим выбором. Наверное, вещи в коробку я тоже сложила сама, из уважения к рабочему времени сотрудников.

Интервью продолжалось, но я перестала слышать слова. Картинка поплыла. Я провела рукой по щеке и поняла, что плачу.

Измена Григория была моей личной болью, но публичная ложь оказалась хуже. Он забрал у меня не только брак и работу — он переписал наше прошлое так, будто меня никогда не было рядом. Будто двадцать два года я приносила кофе, улыбалась на семейных фотографиях и изредка «помогала компании», когда между маникюром и обедом находилось свободное окно.

Кристина заговорила о социальной ответственности бизнеса. Это прозвучало особенно удачно. Она сидела в моём кресле, носила браслет от моего мужа и рассуждала об ответственности. Оставалось пригласить пожарного читать лекцию о пользе керосина.

Я закрыла ноутбук.

Телефон зазвонил почти сразу. Номер был незнакомым, но я поняла, кто это, ещё до ответа. Григорий умел появляться именно тогда, когда боль не успевала стать злостью.

— Да?

— Наконец-то, — произнёс он раздражённо. — Почему ты не отвечаешь на старый номер? Я звоню тебе уже второй день.

— Потому что не хочу с тобой разговаривать. По-моему, причина достаточно понятная.

Он помолчал, явно подавляя желание приказать мне прекратить глупости.

— Лена, это уже не смешно. Скажи, где ты находишься.

— В месте, где мне никто не мотает нервы.

— Назови адрес, — повторил он жёстче. — Нам нужно встретиться и спокойно закончить этот абсурд. Нам нужно поговорить.

Я представила его в машине после интервью, пиджак расстёгнут, телефон прижат к уху, водитель смотрит только на дорогу и делает вид, что не слышит семейную жизнь работодателя. Водители Григория всегда знали о нашем браке больше, чем семейный психолог, которого у нас никогда не было.

— Ты уже спокойно поговорил с журналистами, — сказала я. — Мне особенно понравилось, как я сама решила уйти из бизнеса. Какая самостоятельная женщина. Сама устала, сама ушла, сама, вероятно, подделала подписи.

— Я не мог выносить наши семейные проблемы на публику.

— Поэтому вынес удобную версию.

— А что я должен был сказать? — Его голос стал холоднее. — Что моя жена сорвала лечение, ворвалась в офис и теперь скрывается неизвестно где?

— Можно было сказать правду. Например, что ты убрал меня из компании и решил жениться на дочери инвестора.

— Правда никому не нужна, Лена! — рявкнул он. — Есть сотрудники, банки, партнёры. Одно твоё неосторожное заявление может обрушить сделку.

— Значит, она не такая надёжная, как ты рассказывал десять минут назад.

Он шумно выдохнул. Я почти увидела, как напряглась его челюсть.

— Ты вообще понимаешь, что делаешь? Я предложил тебе нормальные условия, где будут дом, деньги, машину, охрану. Ты отказалась и сбежала в какую-то дыру, чтобы неизвестно кому что-то доказать.

Я посмотрела на старые обои.

— Я доказала хотя бы себе, что способна сама выбрать дыру. Поверь, после двадцати двух лет брака это уже достижение.

— Хватит ёрничать. Ты ведёшь себя как обиженный подросток. Вернись домой, и мы всё обсудим.

— У меня больше нет дома.

— Не говори глупостей. Дом принадлежит семье.

— Твоей новой?

Григорий замолчал. Несколько секунд я слышала только гул двигателя.

— Кристина здесь ни при чём, — наконец произнёс он.

— Она сидела рядом с тобой и гладила твой рукав, пока ты рассказывал, как по-человечески со мной расстался. Очень убедительная непричастность.

— Ты ревнуешь, поэтому не способна рассуждать трезво.

Вот оно. Знакомый приём. Мой вопрос становился диагнозом, боль слабостью, а его ложь — вынужденной мерой. Если женщина возражала, значит, она нервничала. Если предъявляла документы, то мстила. Если уходила, то не понимала собственного счастья.

— Я не хочу тебя видеть, Гриша.

— Зато я хочу. Назови адрес.

— Нет.

— Лена, не заставляй меня искать тебя, — проговорил он медленно. — Мы двадцать два года прожили. Такое не отменяется бумажкой. Ты моя жена, и я должен знать, где ты живёшь и что с тобой происходит.

— Ты знал, где я жила двадцать два года. Это не помешало тебе найти новую жену и выкинуть меня из нашего бизнеса.

— Мы не договорили.

— Ты договорил всё на пресс-конференции.

Я отключила телефон.

Он позвонил снова, потом ещё раз. После третьего вызова пришло сообщение: «Не испытывай моё терпение».

Я заблокировала номер и положила телефон экраном вниз. Руки тряслись так, что чашка стучала о блюдце. Я прошла к окну, вернулась к столу, снова встала. В квартире не хватало места даже для приличной паники, через три шага приходилось разворачиваться.

Наконец я села на пол возле дивана и заплакала. Не сдержанно и не достойно, не как женщина, которая уже начала новую жизнь и вот-вот должна эффектно выйти из пепла. В пепле вообще трудно выглядеть эффектно — он лезет в глаза и пачкает колени.

Я плакала по мужу, которого, возможно, никогда не знала. По компании, где моё имя заменили фразой «много лет помогала». По сыну, чья подпись стояла рядом с подписью отца.

***

Кириллу я позвонила на следующий день. До вечера открывала его номер и закрывала, придумывая оправдания. Мне хотелось верить, что он посмотрел интервью и ему стало стыдно. Что отец втянул его в сделку, пообещал управление, напугал банкротством, а Кирилл просто не нашёл сил отказаться.

Матери умеют оправдывать детей даже тогда, когда дети давно выросли и уже сами готовят документы против матерей.

Он ответил не сразу.

— Мам, я на совещании. Если ты насчёт интервью, отец сказал всё правильно. Сейчас нельзя раздувать скандал.

Говорил он устало, но уверенно. Я крепче сжала телефон.

— Он сказал, что я сама ушла из бизнеса. Ты правда считаешь это правильным?

— А что ему оставалось говорить? Что ты устроила конфликт и отказалась выполнять решение совета?

— Решение, которое подписал ты.

Кирилл раздражённо выдохнул.

— Мам, мы уже это обсуждали. Компания была в тяжёлом положении, действовать нужно было быстро. Ты бы затормозила весь процесс.

— Потому что заметила бы, что прибыльные активы уходят вам, а долги остаются на старом холдинге?

На другом конце стало тише. Наверное, он вышел из переговорной и прикрыл дверь.

— Это временная мера, — сказал он уже осторожнее. — Юристы всё проверили. Отец не оставит тебя с долгами.

— Ты снова предлагаешь мне верить человеку, который публично назвал моё изгнание добровольным уходом. Скажи прямо, ты знал, что на поручительствах стоит моя подпись?

— Я не занимался оформлением каждого документа.

— Это не ответ.

— Документы проходили через несколько отделов. Я не обязан проверять каждый лист.

— Но моё отстранение ты проверил и подписал.

Он помолчал, а потом заговорил тем же ровным голосом, которым Григорий объяснял увольнения.

— Слияние нужно завершить а вам с папой развестись. Не мешай нам. Возьми деньги, которые предлагает отец, и начни новую жизнь. Ты сама всегда говорила, что человек должен уметь вовремя остановиться.

— Я сказала это, когда ты в двенадцать лет пытался съехать с крыши сарая на старой двери.

— Не переводи разговор в шутку.

— Я не шучу. Пытаюсь понять, когда ты снова забрался на крышу и решил, что законы физики к тебе не относятся.

— Ты всё принимаешь слишком близко к сердцу, — отрезал Кирилл. — Сейчас другой масштаб и другие риски. Бизнесом должны управлять профессионалы, а не люди, которые смешивают работу с личными обидами.

После этих слов стало тихо. Я даже перестала плакать.

— А я, по-твоему, кто?

Кирилл задержал дыхание.

— Не заставляй меня говорить то, что тебе не понравится.

— Ты уже сказал.

Я посмотрела на таблицы, которые умела составлять ещё до его рождения, письма банков и список людей, которым Григорий задолжал деньги, а Кирилл — хотя бы уважение.

— Значит, ты считаешь всё происходящее нормальным?

— Я считаю, что отец защищает репутацию семьи.
— Я тоже была частью этой семьи.
Он долго молчал, а потом произнёс:
— Ты моя мать. Но это не делает тебя подходящим человеком для управления холдингом.
Боль пришла не сразу. Сначала внутри словно выключили звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.